
ВОЈСКА
РЕПУБЛИКЕ СРПСКЕ
18+

Михаил Горымов
Русские добровольцы в Боснии

https://litres.ru/74302759
SelfPub; 2018

Аннотация

Это повесть о наших современниках, людях, для которых понятия Долг, Честь, Национальное достоинство - не пустой звук. Людях, для которых эти понятия - выше собственной жизни. Именно они отстояли достоинство России и Русских на одном из фронтов идущей и сейчас Третьей Мировой войны - в Боснии. Повесть написана участником событий, живым русским языком, и в некоторой степени автобиографична.

Содержание

Русские добровольцы в Боснии 4
Глава 1 5
Глава 2 21
Глава 3 36
Конец ознакомительного фрагмента. 39

Русские добровольцы в Боснии

Всем русским добровольцам, живот свой положившим за православие и други своя посящается…

Глава 1

Григорий сидел в мягком кожаном кресле и смотрел телевизор. Картавая дикторша пересказывала последние новости в мире: "…лидеры самопровозглашённых республик Сербская и Сербская Крайна отвергли американские мирные инициативы по прекращению войны на Балканах и предприняли мощное наступление на Сараево, применяя тяжёлую артиллерию. В городе гибнет мирное население, женщины и дети. В сербских концлагерях томятся сотни тысяч мусульман и хорватов. В основном это мирные жители…".

Григорий выключил телевизор, потом встал, окинул комнату прощальным взглядом. "Пора!" – сказал он сам себе и взяв спортивную сумку, собранную в дорогу и вышел из дома. Месяц назад Григорий принял решение поехать в Боснию, чтобы помочь сербам в их справедливой борьбе, и вот наконец этот день настал. Он шёл по московским улицам, родным и близким, но теперь на каждом углу висели рекламные щиты с иностранными надписями, самодовольными рожами американских ковбоев и обнажёнными похотливыми бабёнками. Мимо проносились мерседесы и тойоты, где сидели старые евреи, почему-то называющиеся теперь "новыми русскими". По телевизору картавые дикторы без устали поливали грязью русскую историю и русскую культуру. Все-

возможные академики и социологи с умным видом доказывали, что русского народа нет и никогда не существовало и всем нам надо отказаться от порочного "имперского мышления" и учиться демократии у американцев.

Всё это раздражало и вызывало чувство отвращения. Григорий почти перестал смотреть телевизор, не покупал демократических газет, не слушал радио. За свои двадцать восемь лет он успел отслужить в армии, потом закончить институт. Ещё совсем недавно у него была интересная работа, но пришёл Горбачёв со своей перестройкой и всё пошло прахом. Последнее время Григорий занимался мелкой спекуляцией.

В редкие часы, когда Григорий включал телевизор и слышал там о Сербии, он испытывал странное чувство. Ему становилось безмерно обидно, обидно за державу. Маленький сербский народ вёл справедливую и неравную войну против целой банды цивилизованных государств во главе с Соединёнными Штатами Америки. Григорий хорошо знал историю и помнил, что сербы всегда были верными друзьями России, были ими во все века, как бы не развивались хитросплетения мировой политики, сербы никогда не изменяли России, в отличие от французов, поляков, англичан и прочих западных общечеловеков. Теперь Ельцин, со своим окружением предательски захвативший власть в России в августе-декабре 1991 года, откровенно поддерживал США, а не Сербию, при этом нагло заявляя, что действует от имени

Русского народа. Это буквально выворачивало Григорию душу наизнанку и однажды он принял решение.

Григорий шёл, направляясь к Киевскому вокзалу, в кармане у него лежал загранпаспорт и билет. На вокзале он отыскал свой поезд Москва-Белград и сел в вагон. Поезд тронулся и за окном медленно поплыли перрон и строения, скорый поезд набирал ход.

На границе Советского союза в вагон вошли украинские таможенники и пограничники. Украинский таможенник взял сумку Григория и как шулер, одним жестом раскладывает всю карточную колоду на столе, так и жовто-блакитный страж незалежной границы вытряхнул из сумки всё содержимое и веером разложил всё это на полке, причём каждая вещь легла отдельно. В следующую секунду глаза его широко раскрылись. Перед ним лежала новенькая камуфляжная форма, офицерский ремень с портупеей, "лифчик" с удобными карманами для автоматных рожков и гранат.

– Это зачем же вы едете в Югославию? – торжествующе взвизгнул таможенник.

– Людей посмотреть, себя показать, – спокойно сказал Григорий.

– А это что? – и таможенник потряс в воздухе новеньким камуфляжем.

– А это мой талисман. Я без него не путешествую.

– А это? – таможенник схватил "лифчик".

– А это, чтобы на охоту ходить.

– На двуногих?

– А это уж как получится!

Таможенник бросил вещи и выскочил в коридор. Через минуту он вернулся в сопровождении какого-то начальника: "Вот он! Смотрите, чего он везёт! И говорит, что всё это его талисманы".

– Совершенно верно – подтвердил Григорий, – От головной боли хорошо помогает.

Таможенный начальник окинул придирчивым взглядом вещи и разочарованно спросил: – Больше ничего нет?

– Нет – подтвердил таможенник.

– Тогда пускай едет дальше – и таможенный начальник удалился из купе.

В Белград поезд прибыл утром. Возле здания вокзала на постаменте стоял огромный паровоз, разукрашенный во все цвета радуги. На паровозе красовалась бронзовая доска с надписью, из которой Григорий понял, что на этом паровозе когда-то и куда-то прокатился сам маршал Иосип Броз Тито. Куда и зачем, разобрать так и не удалось. Тем временем, из кабины машиниста высунулась голова. Быстро оглядевшись по сторонам, её обладатель вылез из кабины и поковылял по платформе. Это был обыкновенный бомж. У привокзальной площади стояли легковые машины. Возле них суетились таксисты, предлагая свои услуги. Один из них неожиданно обратился к Григорию по-русски.

– Господин. Куда желаете? Гостиницы, девочек, на ры-

нок?

– Мне нужна Влада Республике Сербске.

– Аа. Это через площадь перейдёшь. Вон улица, видишь, прямо по ней до конца. Выйдешь на улица Моше Пядо, а там питай, уразумел?

– Уразумел! – сказал Григорий и направился в указанном направлении. По улицам проносились дорогие автомобили, шли хорошо одетые люди, витрины магазинов были завалены разнообразными товарами. В городе совсем не чувствовалось войны. В толпе людей Григорий вдруг увидел человека. Сам не зная почему, но он почувствовал в нём своего соотечественника. Человек тоже заметил Григория и направился к нему.

– Владимир – представился он.

– А я Григорий.

– Слушай, ты не знаешь, где улица Моше Пядо?

– Я туда сам иду. Пошли вместе!

– Воевать собрался?

– Угу!

– И я тоже.

Григорий сразу повеселел. Владимир внушал к себе расположение. Он был высокого роста, крепкого телосложения, на вид ему было лет тридцать. По дороге им попадались напёрсточники. Они бойко двигали по асфальту напёрстки и что-то кричали. Вокруг волновалась толпа людей.

– Ты погляди, прямо как у нас – воскликнул Григорий.

– М-м-да. Кажется, мы дошли! – Владимир указал на табличку с надписью "Улица Моше Пядо". Под табличкой на стене была доска с надписью. Владимир хотел пойти дальше, но Григорий остановился и стал читать.

– Улица названа в честь лучшего друга маршала Иосипа Броз Тито, коммуниста Моше Пиадо....

– Так вот кто он какой, жидяра, лучший друг у него Мойша и сам он Иосиф, а всю жизнь верещал, что он хорват!

– Так же как и у нас, – спокойно сказал Владимир. – Владимир Ильич Бланк, по кличке Ленин, он же Ульянов, он же Сеньёр дринь-дринь, он же Бафомет.

– Да-а!

– Когда Бланк жил в Италии и писал свои гнусные статейки в "Искру", он подписывался "Сеньёр Дринь-Дринь", а в Швейцарии носил кликуху "Бафомет". Кстати, это один из подручных Сатаны.

– Откуда ты всё это знаешь?

– Я вообще-то историк по образованию.

– Женат?

– Да.

– Может, и дети есть?

– Есть. Мальчик и девочка.

– А если тебя убьют?

– А меня не убьют!

– Ты уверен? – спросил Григорий.

– Уверен. Я просто знаю, что со мной ничего не случится.

А если что и произойдёт, так дело такое… Но я знаю, что сейчас дома никому отсидеться не удастся. Против Русского народа идёт война и не просто война, а война на ПОЛНОЕ уничтожение. И если ты будешь прятать голову в песок, как страус, и твердить: "Моя хата с краю", то война всё равно придёт к тебе в дом, в твою семью.

Тем временем они подошли к большому массивному зданию. Это и была Влада (посольство) республики Сербске. У входа стоял охранник.

– Мы из России. – обратился к нему Григорий, – Хотим воевать за Вас!

– Руссы, добровольцы! – радостно воскликнул охранник, – Код нас ратовать! Путуйте в гору, четвёртый спрат. Вам треба тридесят собог. Тамо майор Джего!

– Благодарю.

– Не треба за хвалива!

Григорий с Владимиром поднялись на четвёртый этаж и зашли в тридцатую комнату. В комнате стоял дым коромыслом и в клубах табачного дыма за столом сидел человек средних лет. В углу сидела машинистка и что-то печатала.

– Добрый день, – сказал Григорий. – Нам треба майор Джегу.

– Добр дан. Я майор Джега. – ответил человек средних лет, затягиваясь сигаретой и выпуская очередную порцию дыма способную свалить с ног лошадь.

– Мы из России, хотим вам помочь. Готовы воевать за Вас.

– Добровольцы! Русы! Чекайте! – воскликнул майор и встав из-за стола выскочил в коридор.

– Ну и надымил – сказал Владимир, – Череп сорвёт, можно топор вешать.

И он подошёл к окну.

– Я открою, проветрю? – обратился он к девушке-машинистке.

– А, прозор. Добре, добре.

– Вообще забавный у них язык, – произнёс Григорий, усаживаясь в мягкое кресло. – Кстати, как по-ихнему будет "Спасибо"?".

– Сейчас посмотрим – Владимир стал рыться в словаре – А, вот, нашёл. Спасибо, по-сербски будет хвала.

Тем временем в комнату вошёл майор Джего в сопровождении молодой девушки.

– Здраствуйте! – сказала она по-русски. – Я переводчица. Будьте добры Ваши документы.

Григорий с Владимиром положили на стол свои паспорта. Майор стал их внимательно разглядывать, после чего произнёс.

– Нам треба добровольцы, но нема пара, нема ништа.

– Он говорит, что у нас денег не платят. Мы не имеем такой возможности в отличии от хорватов и мусульман.

– Мы знаем – сказал Григорий.

– На каком участке фронта Вы хотели бы воевать?

– На любом. Там, где вам нужны люди.

– Вы служили в армии?

– Да.

– Ваши военные специальности?

– Я служил в железнодорожных войсках – сказал Владимир.

– А я – в стройбате – произнёс Григорий.

Через полчаса, получив необходимые документы, они покинули здание Влады и направились на автовокзал. Путь их лежал через рынок. Рынок, как и всякий другой, в любой стране, был переполнен народом, люди сновали между прилавками, на которых возвышались груды всякой всячины. Продавцы зазывали покупателей и на все лады расхваливали свои товары. Неожиданно внимание Григория с Владимиром привлёк молодой парень лет двадцати пяти, среднего роста, плечистый и крепкий. Он стоял за прилавком, но возле него народ не толпился. Никто даже не останавливался. Люди шли, мельком бросая взгляд на эти товары и спешили дальше. Парень торговал елочными игрушками. С первого взгляда Григорий и Владимир поняли, что перед ними – соотечественник.

– Здорово, мужик.

– Привет.

– У тебя товар-то вроде бы не по сезону. Ты бы ещё и валенками торганул бы заодно! – усмехнулся Григорий.

– А вы кто? Туристы? Или, как и я, по спекулятивным делам?

– Да нет, мы приехали воевать.

– А-а, наёмники.

– Да нет. Сербы денег не платят. Мы за идею.

– Чаво? Это за какую такую идею?

Григорий с Владимиром понимающе переглянулись.

– Тебя как зовут? – спросил Владимир.

– Ну, Санек!

– Так вот, Санек. Ты обыкновенный совок, то есть человек, выросший в советском обществе и получивший советское образование, воспитанный на советских фильмах, на советских книгах, не знающий своих корней, не знающий истории своего народа и своего родного языка. Одним словом, Иван, родства непомнящий. Много веков назад наши предки разделились. Часть осталась на прежнем месте жительства, а часть пришла сюда. Это были сербы. Они создали здесь мощное государство. Тогда не было ни хорватов, ни мусульман, ни словенов. Все были сербами. В четырнадцатом веке на Сербию напали турки. Турецкое войско тогда было самым мощным в Европе, а у сербов была раздробленность, каждый князь был сам себе голова. Сербский царь Лазарь разослал гонцов по всем городам и весям с призывом, чтобы князья и бояре забыли свои прежние обиды и распри и пришли к нему на Косово поле, людны, конны и оружны, но на призыв откликнулись далеко не все. И битва была лютая. Сербы дрались отчаянно, но силы были слишком неравны. Сам царь Лазарь погиб. Погибло вместе с ним и всё его войско.

Страна была порабощена, вернее, порабощена её восточная часть, а западную, воспользовавшись удобным случаем, захватили австрийцы. Ну турки, естественно, предложили сербам принять ислам. Сербы отказались. Тогда турки объявили, что каждому, кто примет ислам, они дадут корову, дом и большой надел земли. Нашлись желающие и им давали дом и корову, но за счёт тех, кто ислам не принимал. Вот так и образовались мусульмане-выкресты. Время от времени сербы поднимали восстания, тогда турки создавали из выкрестов карательные отряды, и те резали мирное сербское население с такой звериной жестокостью, что целые города и области превращались в пустыню. То же самое было в западных областях, которые захватили австрийцы. Только там насаждался католицизм. Вот так и возникли два народа-мутанта: вроде бы славяне, но мироощущение и миросозерцание у них уже совсем другое. Если, например, казаки – это отбор лучшего генофонда русского народа: самые смелые, самые лихие и дерзкие бежали на Дон и селились там, то хорваты и мусульмане – это тоже отбор, но уже по другим признакам. Это отбор холуев и предателей. Пятьсот лет длилось турецкое рабство, пятьсот лет сербы отчаянно боролись за свою независимость и связывали свои надежды на свободу с Россией. Они ждали, что вот-вот придёт войско их братьев – русов и освободит их.

На Россию буквально молились: "На небе – Бог, а на земле Россия!", гласит старинная сербская поговорка. Со слова-

ми: "Нас с русскими двести миллионов", сербские партизаны бросались в бой. Это был их боевой клич.

Когда сербы всё-таки получили независимость, они стали строить свою державу не по западным "общечеловеческим" ценностям, а оглядываясь на Россию. Именно этого им теперь и не могут простить западные "общечеловеки". Именно за это они люто ненавидят сербов, также как и русских. Кстати, идеолог этих "общечеловеков" – З. Бжезинский сказал недавно, что теперь, после крушения коммунизма, главный враг Америки в XXI веке – это ПРАВОСЛАВИЕ! Вот такие они, "общечеловеческие ценности".

Когда в 1941 году немцы захватили Югославию, сербы и черногорцы взялись за оружие и начали партизанскую войну, ну а хорваты и мусульмане по обыкновению стали верно служить новым господам, как и положено холуям. Выполняя директиву Гитлера об истреблении неполноценных народов, хорваты и мусульмане устроили настоящую резню сербского населения. По подсчётам демографов, сербов сейчас должно было бы быть пятьдесят миллионов, а фактически их только двенадцать. Шесть хорватских дивизий воевали в России в составе германских войск. Зверства, которые они творили на русской земле, изумляли даже эсэсовцев. В 1945 году в Югославию пришла Советская Армия, ну и, естественно, к власти пришли коммунисты во главе с евреем Иосипом Броз Тито.

Тито начал строительство социализма и первым делом

расчленил страну на шесть республик, точно также, как это сделал Ленин-Бланк в России. При этом исконные сербские земли с сербским населением оказались в Хорватии, в Боснии, Словении и Македонии. Для того, чтобы убедиться, что границы всех этих республик искусственные, достаточно посмотреть на политическую карту Югославии. Кстати, тоже самое большевики сделали и у нас в России, когда кроили Россию на 15 республик. Ну а дальше пришёл 1991 год и все республики вдруг захотели жить по-новому, по-демократичному, что означало – отделиться от Югославии. Ну и отделились. Но как только они стали независимыми, на следующий же день в них началась резня сербов. Вырезались целые города и деревни, сербов забивали как скот на бойне, невзирая на возраст и пол. Западные "цивилизованные" государства во главе с Соединёнными Штатами смотрели на это и не вякали, но : только сербы взялись за оружие и стали защищаться, как тут же раздался поросячий визг о сербском фашизме, о сербской агрессии, о сербских зверствах. На сербские города и сёла посыпались бомбы, сербов стали душить, перекрыв им все торгово-хозяйственные связи экономическими санкциями. А мусульман и хорватов стали вовсю снабжать оружием, деньгами и всем необходимым, потому, что западные общечеловеки отлично знают историю и отлично понимают, что Россия – это больше чем государство, это больше чем страна. Здесь в Сербии проходит её дальняя граница и защищать Сербию – значит защищать Россию!"

В продолжении всего этого рассказа Санек стоял и молчал, а когда Владимир закончил, он неожиданно сделал несколько шагов, остановился и произнёс.

– Так вот оно в чём дело… А я-то никак понять не мог, откуда ноги растут – он опять замолчал – Я тут месяц назад через Хорватию ехал, так шмонали со страшной силой, так и искали, к чему бы придраться. В Венгрии паренька встретил, у него виза была всего лишь на один день просрочена, так посадили в тюрьму на три месяца, били, отбили почки мужику. А я всё никак в толк не мог взять, чего это они лютуют. А оказывается, они просто пидоры и пидоры конкретные… А когда в Сербию въезжал, так наоборот, смотреть ничего не стали, русс-братушки, сплошное доброжелательство – Санек на секунду замолчал, затем почесал свой затылок и произнёс – Нет, пидарасов надо мочить. Раз они такие козлы, то я мужики, поеду с вами!

– А как же твоя торговля?

– Да какая торговля, одни убытки.

После непродолжительного совещания Санек и Владимир направились обратно в Сербску Владу, а Григорий остался караулить товар. Через два часа они вернулись. Владимир был сильно возбуждён.

– Ну и гусь, ну и Санек, это ж надо!

– Что случилось?

– Представляешь, у него, оказывается, нет загранпаспорта. Этот штрих путешествует по советскому. Мало того, он

уже успел побывать в Румынии, Болгарии, Венгрии, Австрии, Германии, Франции и Италии! Не слабо?

– Это как это? Ты что, незаконно через границы, что ли ходишь, как партизан?

– Зачем же! – добродушно произнёс Санек. – Меня и так пущают.

– Это как?

– Всё очень просто. Сначала доехал до Румынии. С Молдавией у них границы открыты. Там можно и по советскому паспорту проехать. Когда из Румынии в Болгарию переезжал, румыны мне поставили штамп, что выехал. Болгары естественно мне дают транзитную визу и ставят штамп, что выехал. Ну а дальше всё пошло как по маслу. Они же на западе не знают толком, какие они эти загранпаспорта и как должны выглядеть.

– Ну да, не знают! – не поверил Григорий.

– Главное, держаться уверенно и не подавать виду, – сказал Санек. – Оно порой какой иной погранец и засумлевается, а ты его носом в штампы с визами тыкани. Печати подлинные и пачпорт, какой-никакой документ и он мне новый штемпель лепит. Как говорится, дурак не скажет, а умный не догадается.

– Ну ка, покажи – сказал Григорий.

Санек гордо протянул свой паспорт, где рядом со штампом прописки красовались цветные печати различных государств Европы.

– М-да. Слушай, а на какие шиши ты путешествовал? Это же сколько денег надо?

– На дорогу я ничего не тратил – ездил автостопом. Ну и во всех этих странах приторговывал. Вот только с игрушками я маненько ошибся.

– А майор Джаго что сказал?

– А что Джаго, – произнёс Санек, укладывая игрушки в огромный чемодан – Я ведь чай не на курорт еду, а на войну. Нет, челюсть сначала у него отвисла конечно, но потом ничего, взял себя в руки, молодец мужик, справился, умеет владеть собой. И выдал мне все необходимые документы.

С этими словами Санек закрыл чемодан с игрушками и потащил его к палатке, что была напротив. Из палатки вышел пожилой серб и они стали о чём-то оживленно спорить. Серб громко кричал и размахивал руками, а Санек отрицательно мотал головой. Наконец они зашли в палатку и чуть позже оттуда вышел Санек, неся два больших ящика, поставленных друг на друга.

– А где игрушки? – спросил Григорий, едва Санек поставил ящики на землю.

– Порядок. Я их на пиво поменял!

Глава 2

На автовокзале трое новых друзей нашли автобус, идущий в Боснию и сели на него. Двери закрылись и автобус тронулся. Вскоре он выбрался из города и за окном замелькали ухоженные поля и сады, опрятные ласкающие глаз двух– и трёхэтажные частные домики. Санек с Григорием сидели на заднем сидении и пили пиво. Владимир от пива отказался, заявив, что он будет вести здоровый образ жизни. Через несколько часов они подъехали к боснийской границе. В автобус вошли югославские полицейские и проверили у всех документы. Автобус переехал через реку Дрина, и в него опять вошли полицейские, в точно такой же форме. Это была полиция Республики Сербске. В Боснии уже чувствовалось дыхание войны. Вдоль дорог также стояли двух– и трёхэтажные домики, только многие из них были разрушены, а на дороге было пустынно.

– Почему нет машин? – обратился Григорий к пожилому сербу рядом с собой.

– Нема бензина, санкции! – серб показал на взорванный мост через реку. – Авьён амерички бомбордовали.

К вечеру добрались до города Хан-Пёсек, где размещался главный штаб Войска Сербского. В штабе их встретили радушно, отвели в столовую и разместили на ночь в касарие

(по-русски – казарма). Наутро они снова двинулись в путь и к полудню доехали до города Пале, который считался столицей Республике Сербске. Они должны были явиться в штаб Сараевско-Романийского корпуса, который находился в местечке Луковицы. До него было всего тридцать километров, но дорога хорошо просматривалась мусульманами и постоянно обстреливалась из всех видов оружия.

На следующий день в Луковицы шла машина военной полиции, она и взяла трёх друзей. Чем ближе они приближались к опасному участку, тем отчётливей слышалась канонада. Ухали тяжёлые миномёты, трещали автоматные и пулемётные очереди. Когда они достигли отрезка пути, который простреливался, водитель нажал на газ, и машина понеслась со скоростью 100 км/час. С правой стороны вдоль дороги тянулся сплошной забор из досок и брёвен. Он скрывал от противника то, что творилось на дороге. Время от времени попадались опорные пункты, где сидели и стояли сербские ратники, некоторые из них вяло постреливали в сторону мусульман.

– Тамо мусульмане, Сараево! – сказал водитель, кивнув в сторону забора.

– Это значит, мы на передовой? – спросил Григорий.

– Исто, сидэ положай – подтвердил водитель.

Неожиданно метрах в 100 впереди разорвался снаряд, подняв огромный столб земли, но водитель и ухом не повёл. Не сбавляя скорости, он подъехал к дымящейся воронке и

лихо объехал её. Со стороны мусульман заговорило несколько пулемётов.

– Пуцают! – сказал водитель спокойно.

Они миновали опасную зону, и водитель сбросил скорость. Вскоре машина подъехала к штабу. У входа за столом сидел дневальный, по коридорам сновали люди, все они были сильно возбуждены.

– Мы русские добровольцы, там треба пуковника Крисмановича, – обратился Григорий к дневальному. Ответа он не услышал – в следующую секунду во дворе с оглушительным грохотом разорвался снаряд, со звоном полетели выбитые стёкла, сверху посыпалась штукатурка. Не успел Григорий сообразить, что произошло, как рядом рванул ещё один и наступила тишина. Он огляделся по сторонам – на полу, вперемешку лежали люди. Полковники и капитаны, майоры и рядовые войники, они лежали на полу и не спешили подниматься. Немного выждав люди стали вставать с весёлым шумом, отряхивая себя и подшучивая друг над другом. Из под стола вылез бледный как мел дневальный.

– Нам треба пуковника Крисмановича, мы русские добровольцы – повторил свой вопрос Григорий.

– Путуйте право, четвёртая соба слева.

Трое друзей направились в указанном направлении. За спиной слышались одобрительные возгласы сербов: "То е русы!", "Сви русы добры борцы, не имают страх!", "Люты, пуне люты!",

– Кажется, это они про нас, – сказал Владимир – они думают, что мы герои, а мы просто не успели понять, что происходит, три раздолбая!

– Не мужики, нам надо научиться ловить мышей, иначе хлопнут, как куропаток! – воскликнул Санек.

Полковник Крисманович, не задавая лишних вопросов, тут же отправил троих добровольцев на склад за обмундированием и оружием. Склад находился в подвале соседнего здания. Пожилой серб-каптёрщик долго возился с ключами, наконец открыл массивные двери, скрылся за ними и через минуту вынес друзьям три автомата.

– Садо путайте на проходную к шлакбауму, тамо чекайте двадесят минут, за вами припутают и отведут на положай.

– То есть как это, прямо вот так сразу на передовую? - удивился Санек.

– Исто! – подтвердил каптёрщик.

– Только вот с этим и больше ничего? – Санек потряс в воздухе своим автоматом, – А где запасные рожки, а подсумки, гранаты, каски, лифчик, бронежилеты, где обмундирование наконец?

– Нема! – развёл руками каптёрщик.

– Как это нема, когда должно быть?

Старый серб тяжело вздохнул и распахнул двери своего склада.

– Поглядай!

Перед нами предстало огромное помещение, вдоль стен

которого тянулись деревянные стелажи. Стеллажи были пустыми, только у стены в углу стоял десяток карабинов СКС, и на полу лежал старый немецкий пулемёт МГ-34, времён Второй мировой войны.

– М-да! – произнёс Григорий. – Стратегические запасы Войска Сербского!

Тем временем серб внимательно посмотрел на обувь Александра. Александр был обут в кроссовки, сильно стоптанные и побитые. Серб покачал головой.

– Треба тражичь, – и он указал на кучу обуви, сваленную в углу.

Это была обувь бывшая в употреблении, тем не менее, Санек сумел найти себе пару ещё крепких ботинок с высоким голенищем. Владимир с Григорием от поисков отказались. Ещё Санек нашёл широкий ремень с двойной портупеей, тоже бывший в употреблении.

Чуть позже они уже были на проходной и поджидали провожатого. Григорий вынул из сумки свой камуфляж и принялся облачаться в него. Владимир сделал то же самое. Санек смотрел на них с завистью.

– Александр! – обратился к нему Владимир. – Я с собой взял двое брюк, толстые и тонкие, одни из них твои.

– А я дарю тебе камуфляжную рубашку, примерь – сказал Григорий.

– Ну спасибо, вы просто благодетели! – воскликнул Санек – Кстати, а как же ты без рубашки?

– А у меня тельняшка есть, как раз под камуфляжной курткой будет даже ничего.

– Ты случайно не в десанте служил?

– Нет, но я прошёл на байдарках по порожистым рекам и озёрам нашей необъятной страны, тысячи километров. Один раз даже пересёк Белое море, так что имею право носить тельняшку.

Когда все трое переоделись, Григорий одобрительно оглядел себя и товарищей и воскликнул: "Ну вот, теперь мы хоть на воинов стали похожи".

Тем временем с КПП подошёл серб, которого они ждали, он поздоровался и они двинулись на положай. До передовой линии было недалеко, всего лишь триста метров. Они двигались через какую-то разбитую фабрику быстрым шагом, гуськом друг за другом. Неожиданно их проводник остановился. Перед ними лежало открытое пространство.

– Бырзо бежи и чувайся, – сказал провожатый. Он немного подождал, затем сорвался с места, пересёк открытое пространство и прыгнул в окоп Григорий, Владимир и Санек по очереди проделали то же самое.

Перед тем, как двинуться дальше серб предупредил.

– Ни смиешь выглядать, ни смиешь причать муслиман су близу.

И они двинулись по ходу сообщения. Окоп был неглубокий и идти приходилось согнувшись в три погибели. Время от времени над головами с жужжанием проносились пули, в

одном месте проводник остановился и, наклонившись к уху Григория, прошептал:

– Муслимане 10 метров! – и серб ткнул рукой в правую сторону. – Тамо!

Григорий кивнул, и они двинулись дальше. Окоп привёл их к скверу между двумя домами. Едва они вылезли из окопа, как из подъезда к ним устремилось двое сербов. Сербы внимательно оглядели вновь прибывших но, едва они увидели нашивки на рукавах, и их суровые лица дрогнули, на них засияли улыбки.

– Русы, добровольцы! С нами русы! – из домов стали вываливать другие сербы.

– Русы, братушки, код нас, дошли!

Владимира, Григория и Александра обнимали, хлопали по плечам и по спинам. Им что-то с жаром объясняли. Особенно нравились сербам их нашивки. Изобретённые демократами с целью поглумиться над Русской Армией, они оказались очень кстати в Боснии. Дело в том, что сербы, чтобы отличать своих в бою, нашивали себе на рукав три полоски в виде своего знамени: красную, синюю и белую. Поэтому русская нашивка с изображением русского стяга сразу же говорила, на чьей стороне воюет её владелец. Надпись "Россия" сразу же объясняла, почему стяг перевёрнут. Слова "Вооружённые силы" были окончательным и исчерпывающим дополнением.

Как только прошёл первый восторг, сербы повели троих

друзей в подъезд. Они прошли через две комнаты, усыпанных каким-то мусором и оказались у стены. В ней были пробиты две бойницы. Григорий глянул в одну из них. Перед ним в двадцати метрах возвышался пятиэтажный дом, там уже были мусульмане. Дом был сильно изуродован осколками и снарядами. Между домами были скверы, заросшие травой. Трава была по пояс, кусты были усыпаны алыми цветами. Ровно посредине стояло три легковых автомобиля, поставленные здесь с начала войны и превращённые теперь в решето. Заросшая детская площадка с ржавыми качелями. Слева простирался знаменитый Сараевский аэродром, а над ним высилась гора Игман.

В 1992 году события в Югославии развивались стремительно. Сначала от Югославии отделилась Словения и почти сразу же за ней – Хорватия. Чуть позже – Босния. Не решив ещё связанных с этим юридическо-правовых вопросов, не создав ни армии, ни полиции, ни административно-правовой структуры государства, главари этих новых образований в спешном порядке принялись изменять состав населения в своих вотчинах, естественно, в сторону уменьшения сербов. Решали они эти вопросы без затей. Сербов просто резали. Особенно старались в землях, которые исторически были исконно сербскими, и где сербов было подавляющее большинство. ЦРУ и другие шпионские банды западных стран готовились к этому давно. Много лет они вели подрывную деятельность против Югославии. Пользуясь поддержкой еврея

Тито и иже с ним, других коммунистов, они создавали тайные склады оружия, отряды боевиков, не скупясь, снабжали деньгами разные партии и движения. Вся эта огромная, скрытно проделанная работа дала свои страшные всходы в 1992 году. Варфоломеевская ночь во Франции меркнет по сравнению с тем, что испытали добродушные сербы в конце XX века. В городах Сребренница, Жепа, Горожда и многих других сербов не просто убивали, а убивали с сатанинской жестокостью. Детей и женщин, перед тем как умертвить, изуверски пытали. Вырывали раскалёнными клещами у женщин груди, выкалывали глаза, ломали позвоночник, вырезали детей из чрева ещё живых женщин, заливали лицо расплавленным свинцом. Мусульмане воскресили давний обычай – сажание на кол. Человек, проткнутый снизу тонким колом определённым образом, продолжает живьём висеть на колу иногда до двух суток. В общем, общечеловеческие ценности внедрялись в Сербии в самом полном объёме.

Впрочем, видимо события стали развиваться слишком стремительно, не так, как просчитывали западные общечеловеки, творцы нового мирового порядка, поэтому произошла некоторая несогласованность в действиях. В некоторых городах и местностях уже шла резня, а где-то было тихо и спокойно. Там, где ещё было спокойно, сербы не стали ждать, когда очередь дойдёт и до них и взялись за оружие. Дело в том, что помимо регулярной армии в Югославии были ещё батальоны территориальной обороны. Оружие

этих частей было почти в каждом городке, в каждой крупной деревне. Его-то с успехом и захватили сербы, создавая свои отряды самообороны. В городе Ярогатица и в ряде других мест сербы буквально на считанные часы опередили мусульман. Подразделения Югославской армии в некоторых местах были деморализованы и разоружены боевиками мусульман и хорватов. В других местах, где во главе частей стояли решительные и толковые офицеры, они сумели пресечь все поползновения националистов и имеющимся у них оружием вооружить отряды сербов. Началась гражданская война. Вначале сербы действовали разрозненными отрядами, позднее руководители сербских общин и скупщин, которые управлялись сербскими областями, объединились в государство – Республику Сербскую, а отряды самообороны – в Войско Сербское. На землях, которые формально входили в Хорватию, было образовано государство Сербская Краина. Хорваты и мусульмане также свели все свои бандитствующие отряды в единое целое, образовав две армии – хорватскую и мусульманскую. Соединённые Штаты и европейские страны НАТО, не жалея денег и средств, принялись в спешном порядке вооружать эти новые армии самым современным оружием. Тысячи натовских офицеров были направлены в Югославию в качестве советников и для подготовки и обучения мусульманско-хорватских бандитов. Во многих крупных городах Европы открылись конторы по вербовке наёмников. Уголовное отребье всех мастей устремилось ши-

роким потоком в хорватскую и мусульманскую армии.

Каждый наёмник получал по 3500 долларов в месяц. Сербы изнемогали в неравной борьбе. Противник имел подавляющее превосходство в вооружении и численности, но правда отличался низкими моральными качествами. Сербы поставили под ружьё всё мужское население, от мала до велика, но даже после этого на одного сербского воина приходилось по четыре вражеских солдата.

Население города Сараево до войны составляло 600 000 человек, из них сербов было 200 000. Сербы в основном жили на окраинах и в прилегающих окрестностях. То же самое было и в других городах. Сербы проживали в сельской местности. Это объясняется тем, что во время Второй Мировой войны немцы руками мусульман и хорватов истребили несколько миллионов сербов, в основном в городах. Погибла большая часть сербской интеллигенции, врачи, инженеры, учителя, а их места после войны заняли мусульмане и хорваты. Всё происходило точно так же, как в России после революции, когда еврейское ЧК уничтожало в первую очередь интеллигенцию, выкорчёвывало интеллект нации, а их места занимали евреи. В Югославии коммунист Иосип Броз Тито всё это тоже одобрял и поддерживал. Разглагольствуя об интернационализме и равенстве, коммунисты втихаря продолжали политику фашистов: сербов постепенно вытесняли из крупных городов в деревни. Сложная система льгот и приви-

легий давала муслиму, хорвату или албанцу преимущество при поступлении в ВУЗы. Точно, как и в СССР, где любому из какой-нибудь Чечни или Дагестана, Молдавии или Адыгеи, Туркменистана или Казахстана было гарантировано самим правом рождения преимущество перед русским при поступлении в ВУЗ или даже аспирантуру.

В Сараево заранее были созданы тайные склады оружия, численность мусульманских боевиков равнялась 25 000, так называемые зелёные береты. Сигналом для выступления послужил расстрел сербской свадьбы. Жениха, невесту, их родителей и гостей убили прямо на ступеньках православного храма. После этого начались массовые убийства в самом городе. Зелёные береты действовали решительно и безжалостно. В центре города находились казармы имени Маршала Тито. Воинская часть, размещённая в этих казармах, была окружена и скована боевиками. Командованию этой части было предложено покинуть город, при этом мусульмане обещали беспрепятственный выход, но как только воинская колонна покинула военный городок, она была безжалостно расстреляна. После этого мусульмане распоясались окончательно и началась настоящая вакханалия. Спасаясь от озверевших фанатиков, сербы бежали на окраины, туда, где подавляющее большинство составляли сербы. Вокруг города население также было сербским, там же находилось несколько крупных воинских частей, где офицеры были сербами. Более того, Сараево лежит на дне котловины, а вокруг него

возвышаются горы, с которых прекрасно просматривается и простреливается весь город. Котловина оказалась у мусульман, а горы – у сербов. Сказался "военный гений" американских советников, заранее тщательно подготовленная и просчитанная операция была скомкана из-за их вопиющего непрофессионализма. Давно известно, что воин всегда занимает господствующую высоту, а бандита – всегда тянет в тёмные лощины. Как только сербы вооружились, разобрались по отрядам и наладили взаимодействие, вопрос о взятии Сараево уже не стоял. Кольцо вокруг мусульман стало сжиматься. Медленно, но верно сербы освобождали квартал за кварталом, улицу за улицей, и не уйти бы мусульманским убийцам от справедливого возмездия, если бы к ним на помощь не пришли американские и европейские общечеловеки. На весь мир раздались вопли и завывания о сербских зверствах, о сербском фашизме, о том, что сербская агрессия угрожает безопасности всего человечества. Профессиональные манипуляторы людским сознанием с экранов телеящиков без устали обвиняли сербов в самых немыслимых преступлениях. ООН и НАТО предъявили сербам ультиматум – прекратить наступление, отвести от города тяжёлую технику и передать войскам ООН Сараевский аэродром для доставки продовольствия "мирному" населению города. За аэродромом высилась гора Игман, за которой лежали земли, захваченные мусульманами. Сербы овладели Игманом после жестоких и кровопролитных боёв. Гору также потре-

бовали отдать "миротворцам" ООН, как знак доброй воли. Так собственную военную бездарность компенсировали мировым давлением. Сербы вынуждены были выполнить все эти требования, и тут же на Сараевский аэродром целыми косяками полетели натовские самолёты. Они везли "мирному" населению города танки и ракетные установки залпового огня, тяжёлые орудия и управляемые ракеты, ну и всякую мелочь, вроде винтовок, автоматов, гранат и патронов. Гору Игман "миротворцы" ООН на следующий же день после ухода сербов передали мусульманам, тоже видимо в знак "доброй" воли. "Добрая воля" общечеловеков позволила мусульманским бандитам в Сараево получить отдушину, через которую они могли общаться со своими подельниками, захватившими другие земли в Боснии. Труднее пришлось мусульманам в городах Горажда, Сребренница и Жепа. Эти города были полностью окружены сербами. И здесь сказались низкие боевые и моральные качества мусульманского воинства и полная военная бездарность их американских советников и командиров. Но мусульмане и там унывали недолго, "миротворцы" быстро наладили их снабжение оружием и всем необходимым через сербские земли. Всё это ещё раз подтвердило истину, что американцы всегда стараются играть по ими изобретённым правилам, где выигрыш противной стороне не светит ни при каких условиях.

Главарём у мусульман, вернее председником, был некий Алия Изетбегович, в прошлом офицер войск СС и военный

преступник. Во время второй мировой войны он служил в мусульманской дивизии "Ханджар" ("Кинжал" в переводе на русский), возглавлял детский концлагерь в местечке Осиневец, работал в молодёжной фашистской организации. К власти он естественно пришёл путём демократических выборов. Алия обещал, что как только он станет председником, то сразу решит сербский вопрос и слово своё сдержал. Уцелевшие после резни сербы были отправлены в концлагеря, дети, отнятые у родителей в детские дома, где им делали обрезание и воспитывали в мусульманском духе, чтобы вырастить из них новых янычар. Молодых и красивых девушек – отправляли в публичные дома.

Глава 3

Григорий, Владимир и Александр двигались по полу тёмным комнатам. Впереди шёл серб по имени Ниделько. Ниделько знакомил русских с сербской обороной. В одной из комнат они увидели массивный пулемёт ДШК, бойница перед ним была закрыта досками. Ниделько кивнул на пулемёт.

– Ни смиеш пуцать, пока нет муслиманского напада.

– Уразумел. Значит огонь из него можно открывать только в случае наступления противника?

– Да, да, сигурно! – кивнул Ниделько. Они двинулись дальше. В других местах в стенах также были устроены бойницы, возле них лежали готовые к бою пулемёты.

– Здесь тоже нельзя пуцать? – спросил Григорий.

– Иста, треба чекать напад.

Григорий заглянул в бойницу, перед ним была обширная комната, в противоположном конце которой было окно. Ствол пулемёта смотрел как раз в это окно. Окно резко ограничивало пулемёту сектор обстрела, но зато попасть в огневую точку было непросто. Стена, в которой была пробита бойница, была дополнительно укреплена мешками с песком.

– А ведь её, пожалуй, и гранатомёт не возьмёт, – сказал Владимир.

– Да, сербы умелые ребята – подытожил Санек.

Они прошли ещё немного, в соседних комнатах были устроены точно такие же пулемётные точки. Сектора обстрела всех этих пулемётов пересекались, дополняя и усиливая друг друга, в случае атаки противник был бы встречен просто шквалом огня.

– Да, хитро придумано! – произнёс Санек, как бы размышляя вслух. – Небось у них тут ещё и минные поля есть, слышь, Ниделько?

– Мина има, има пуно! – и Ниделько принялся подробно рассказывать, где и как расположены минные поля. Григорий тем временем глянул в очередную бойницу, перед ним в двадцати метрах по-прежнему возвышался дом, занятый мусульманами. За ним всего лишь через семьсот метров были опять сербские укрепления, сербам достаточно было бы сделать навстречу друг другу по триста пятьдесят шагов, и мусульмане были бы отсечены от аэродрома и полностью окружены. Мусульманские укрепления были спереди, были и справа. Сзади был дом, занятый сербами, а за ним стояла школа, занятая мусульманами. Таким образом, укрепление, куда попали три наших героя, было окружено противником с трёх сторон. Раньше вся эта местность была в руках у мусульман, потом Войске Сербское после упорных боев освободило эти дома, в том числе и школу, но школу не заняли. Сербские командиры стали спорить, кто должен её оборонять. Дело в том, что в каждом подразделении была нехватка людей. Пока сербские начальники выясняли и обсужда-

ли, школу заняли мусульмане. Теперь она глубоко вклинивалась в сербскую оборону и доставляла сербам массу неприятностей. В школе располагалось подразделение специальной бригады, специальцы Викича. Это было одно из лучших ударных подразделений мусульманской армии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.